УДК 93/94

# ВЛАСТЬ И ОБРАЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ 1830–1850-х ГОДОВ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАРВАТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

***Аржаных Татьяна Фёдоровна,***
Российский государственный торгово-экономический университет, Ивановский филиал, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин, кандидат исторических наук, г. Иваново, Россия.
E-mail: maler37@mail.ru

*Аннотация*
В статье анализируются особенности общественной жизни России 1830–1850-х годов в ракурсе социокультурного позиционирования отечественной интеллигенции. Самоидентификация рефлексирующих интеллектуалов в системных группах литературно-философской направленности рассматривается в контексте оппозиции личности государственно-административному формализму и формирования в интеллигентской среде особого морального комплекса служению идеалу.

*Ключевые понятия:*
интеллигенция, литература, общество, власть, Николай I.

Историческая реальность России 1830–1850-х годов означена в научной литературе общепринятой дефиницией «Николаевская эпоха». Комплексное исследование данного хронологически небольшого отрезка осложнялось в силу интерпретации в рамках десятилетиями вводившихся стереотипов. Вне всякого сомнения, советские исследователи предприняли немало усилий для изучения идейной жизни российского общества того времени, но общие горизонты объяснения особенностей общественно-политического климата Николаевской эпохи сохранили изначальную узость: установился парадигмальный подход выстраивания оппозиции между так называемым полицейско-бюрократическим режимом и передовой русской общественностью, которая искала выход из кризиса, обусловленного процессом разложения крепостничества и абсолютизма. В научных изданиях документировалась линия, доминантой которой являлось наращивание и обогащение содержания революционного вектора отечественной общественной мысли. Впрочем, историческая наука в последние годы в корне пересмотрела свой вердикт относительно Николая I как ограниченного авторитарного самодержца в контексте признания и высокой оценки его заслуг. Многое изменилось и в методологическом взгляде на время его царствования: Например, И.Г. Яковенко определяет 1830–1850-е гг. «последней в русской истории устойчивой православной империей, временем, когда были заложены основы для будущего развития России» [20, с. 55]. Да и, по мнению американского науковеда Цинтии Виттекер, Николаевская эпоха являла собой классический пример замедленной избирательной модернизации, при которой в некоторых областях отмечался прогресс, однако противоположные тенденции затормаживали перемены» [4, с. 303].

Собственно говоря, различные аспекты теории модернизации уже освещали зарубежные и отечественные учёные. Характерные черты мирового развития в эпоху складывания «мир-системы» основательно изучены в фундаментальных трудах Иммануила Валлерстайна. Согласно его теоретической концепции, начиная с XVI века в мире осуществляется постепенная трансформация традиционного общества в современное. Модернизация в данном контексте оказывается важным фактором всего комплекса преобразований. На ми-

росистемный аспект «догоняющей» российской модернизации обращает внимание и профессор МГИМО А.Г. Володин [5, с. 104]. Со своей стороны, известный итальянский русист Витторио Страда предлагает ввести понятие «хронотопа модернизации», который «позволяет учитывать тот факт, что любой процесс модернизации протекает в условиях, разнящихся не только количественно, но и главным образом качественно, в зависимости от времени и места протекания» [8, с. 322].

Ретроспективные суждения современников Николаевской эпохи о духовно-психологической атмосфере того времени свидетельствуют о том, что это был период в целом благоприятный для мыслительной активности, когда «все интеллектуальные поры были растворены <…> а умственная жизнь начинала быстро развиваться в нашем поколении» [12, с. 134]. Оживление интеллектуальной жизни напрямую зависело от степени интенсивности информационных потоков, импульс которым задавали правительственные мероприятия. При С.С. Уварове (министре просвещения с 1833 по 1849 г.) образование сделалось краеугольным камнем широкомасштабной общенациональной стратегии. России зрелой, которая стремилась сохранить положение великой державы, необходимо было грамотное население, специалисты по экономике и управлению, развитая наука, сплочённое общество, и всё это требовало распространения образования в стране. И многое было сделано в этом направлении. По мнению А.И. Рейтблата, «1820–30-е гг. можно считать периодом существенного прорыва в степени распространения чтения, число регулярных читателей выросло с 12–13 тысяч в 1790 г. до 50 тысяч к середине 1820-х гг.» [15, с. 31]. Ещё одним доказательством роста численности образованных людей в период Николаевского царствования может служить факт увеличения ввоза книг. В 1833 г. было импортировано 280 000 томов, в 1847 г. – 830 000 [4, с. 137]. По подсчётам Н.В. Рязановского, периодическая печать также «сделала рывок вперёд»: между 1831 и 1837 гг. ежегодно в среднем выходило по 46 периодических изданий, к 1851 г. их число выросло до 83 [4, с. 137]. В сравнении с XVIII веком, когда в разное время существовало всего 119 изданий, в XIX веке выходило уже 2713 изданий [13, с. 505]. Динамика развития периодической печати показывает, что в России число людей с базовым и средним образованием росло в течение всего имперского периода. Можно говорить об устойчивой социокультурной тенденции в жизни российского общества.

На характерную особенность образования в России, «гуманизировавшую» людей, обратила внимание Н.М. Пирумова – автор монографии об А.И. Герцене [14, с. 63]. Подобной точки зрения придерживается и исследователь литературно-общественного движения в пореформенной России В.К. Кантор, который считает, что «именно книга внесла в среду интеллигенции, сложившейся окончательно к 40-м гг. XIX века, фермент личностного начала, сделав этот слой чуждым для структуры общинно-государственного сознания» [9, с. 296]. Гуманизм содействовал формированию навыков абстрактного теоретизирования и мечтательного интеллектуализма. По верному замечанию одного из самых внимательных исследователей этой эпохи, Г.В. Флоровского, «люди 1830-х гг. мечтали не о частных улучшениях нравственного или политического порядка, но о полном преображении всей жизни, о восстановлении и осуществлении полного и всеобъемлющего идеала [17, с. 359]. Мечты о нравственной свободе и общественной пользе не вписывались в статичный распорядок административной службы. Не всегда «идеалистам» 1830–1840-х годов удавалось «врасти» в административный механизм, хотя образованные люди нередко имели многообещающие перспективы на военной или гражданской службе. В качестве иллюстрации того, что не все интеллектуалы были вполне интегрированы на условиях формального положения в государственную структуру, приведём примечательный эпизод из биографии создателя толкового словаря русского языка, известного писателя В.И. Даля, который служил в министерстве внутренних дел и однажды был поставлен перед выбором: «писать – так не служить, служить – так не писать» [12, с. 313].

В иных случаях власть, наоборот, «вталкивала» в структуру тех представителей «образованного слоя», которые решались анализировать её действия и критиковать. Например, писатель «пушкинской плеяды» П.А. Вяземский дважды демонстрировал в печати свою оппозицию власти: в первый раз это случилось в 1829 году, когда в журнале «Телеграф» вышла статья «Моя исповедь» – так ее автор ответил на обвинение Николая I в политической

неблагонадёжности. В результате «Телеграф» оказался под надзором. Во второй раз П.А. Вяземский привлёк пристальное внимание начальника III Отделения и шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа в 1832 году. После запрещения журнала «Европеец» (издателем которого был И.В. Киреевский) П.А. Вяземский написал по этому поводу статью «О безмолвии русской печати», где доказывал ряд положений, которые помогли бы правительству найти верный курс в отношении отечественной периодики. «В наше время правительство должно быть сильным и умеренным в проявлении своей власти. Меры воздействия являются предметом размышлений, и всякая суровость, <...> если она <...> не имеет священного отпечатка закона, является не только несправедливостью, но и ошибкой» [7, с. 141–142]. Такой ошибкой П.А. Вяземский считал закрытие «Европейца». Писатель обратил внимание, что закрытие журнала за номер, который прошел цензуру, может породить сомнение в законности действий властей. Поединок человека с системой закончился в пользу власти: журналист, поразмышлявший о ней, получил назначение в министерство финансов, хотя ничего общего с финансами у П.А. Вяземского не было. С непонятной службой «декабрист без декабря» смирился и верно служил в нелюбимом ведомстве.

Определённо можно говорить о том, что в «образованном слое», развитие которого во многом поощрялось последовательными действиями власти в области просвещения, появляются интеллектуалы, сфера деятельности которых не всегда ограничивается рамками государственной службы, так же как и не всегда складывались приязненные отношения власти с образованными индивидуалистами, если те осмеливались интерпретировать её действия. Индивидуалисты не были отчуждаемы в том смысле, что власть отвергала их, скорее, по своему выбору, они могли дистанцироваться от «оказёненной» (официальной) действительности, в которой личностная этика не приветствовалась.

В.Ф. Кормер абсолютизм Николая I определяет «социокультурным первотолчком в возникновении интеллигенции, поскольку власть российского централизованного государства стимулировала оппозиционные настроения» [11, с. 86]. Мысль эта нуждается в уточнении. Своеобразие российской социально-культурной ситуации во второй трети XIX века заключалось ещё и в том, что искусство, и в первую очередь литература, выступили универсальной формой общественного сознания. На то, что тогда «слово в России получило значение, которого более уже никогда не приобретало», обратил внимание Н.Н. Скатов [16, с. 113]. Литература структурировала многослойное духовное пространство, в котором мысль обретала различное воплощение. Отражение мысли в различных ипостасях: художественной, философской, исторической – свидетельствовало о том, что литература к началу XIX века превратилась в саморазвивающуюся, относительно автономную культурную подсистему, в которой государство дозволяло проявление относительной свободы слова. Достаточно вспомнить слова И.В. Киреевского (философа, в 1840-е гг. известного мыслителя славянофильского направления) из его статьи «Обозрение русской литературы за 1831 год», чтобы понять, какое значение придавалось литературе в русском общественном мнении: «Между тем как в других государствах литература есть одно из второстепенных выражений образованности, у нас оно главнейшее, если не единственное. Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилом их просвещения, у нас неусыпное попечение прозорливого правительства избавляет частных людей от необходимости заниматься политикой, и, таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остаётся литература» [10, с. 101–102].

Тип личности, самоуглублённой и рефлексирующей, независимой и богатой духовными интересами, сформировался в России в 1830–40-х гг. Это была реакция неприятия как государственно-административного формализма, так и политического радикализма «людей движения 1825 года» (т.е. декабристов). Литературная сфера была почти единственным институциональным и мировоззренческим каналом, по которому могла направляться социальная активность таких людей. Художественные потребности, когда существовали для людей радости по вычитанной идее, по открытию нового фактора в духовной жизни, по приобретению нового горизонта мысли, можно рассматривать как сублимированную идеологическую активность, которая в реалиях «николаевской» России могла состояться лишь в литературном русле. Поэтому литературное творчество следует

отнести к форме оппозиции к власти, но не в политической вариации, а в этико-психологическом аспекте, в контексте деятельности как основополагающем принципе культуры.

Американский историк и социолог германского происхождения Элис Виртшафтер ставит под сомнение традиционную трактовку социальной структуры дореформенной России как жёсткой, скованной неподвижными иерархическими рамками, и обосновывает совершенно противоположный вывод о том, что четырёхчленная сословная парадигма (окончательно сложившаяся к 1832 г., когда в законодательном порядке были утверждены дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели в качестве полноправных гражданских слоев) не соответствовала социальной фрагментированности российского общества, реально существовавшей со времен Московской Руси [3, с. 7–8]. Устанавливая взаимную обусловленность появления интеллигенции в общей структуре русского общества, исследователь допускает возможность рассмотреть феномен интеллигенции в рамках поиска действенных социальных связей [3, с. 189]. Факт социального расслоения дворянства в первой половине XIX века, появления в нем различных групп, которые расходились между собой по литературно-эстетическим интересам, отмечается и в отечественной науке [1, с. 481–482]. Если обратиться к источникам, актуализированным своим временем, то есть к воспоминаниям современников «николаевской» эпохи, то можно проследить, как в пределах русского литературного мира происходило оформление различных «культурных общностей». Например, по словам писателя «пушкинского окружения» П.А. Вяземского, существовали «литературные промышленники» и «аристократия дарований», «либеральный и консервативный классы читателей» [6, с. 153–154]. П.А. Вяземский имел в виду не политические пристрастия, а оттенки умонастроений, такие психологические особенности, как предрасположенность к новаторству и верность общепризнанным канонам в искусстве. Напомним, что так называемые «литературные аристократы» (А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский) организовали журнальную кампанию против так называемых «литературных промышленников» (Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча, О.И. Сенковского). «Аристократы» выступали против массового производства подделок под искусство, оставлявших людей без облагораживающего влияния подлинных высокохудожественных произведений. «Литературные аристократы» также считали недопустимым внешний способ создания произведений, при котором занимательность превалировала над духовностью. «Промышленники» ориентировались на массовое производство книгоиздательской продукции, на получение прибыли, поэтому посчитали необходимым включиться в борьбу за читателя, обвинив «литературных аристократов» в элитарности и догматизме.

Групповая самоидентификация интеллектуалов в литературе объясняется ещё и особенностями мировоззрения русского дворянства. Как наиболее образованный социальный слой в России, дворянство было в значительной степени включено в традицию новоевропейского гуманизма и философского антропоцентризма. Г.В. Флоровский обращает внимание на существование разнокачественных сторон внутри индивидуальной и коллективной мысли – секулярного и сакрального компонентов; «<…> таким раздвоенным в интеллектуально-духовном смысле личностям трудно было осознать себя полностью включёнными в православную традицию, равно как индивидуалистическая этика образованных людей не совпадала с надличностной государственной этикой, когда абсолютный приоритет в глазах верховной власти имели общее благо и общественный порядок, ради которых следовало пожертвовать и правами человека, и самой личностью» [18, с. 128]. Литературная среда стала способом «внутренней эмиграции» людей, которые задумывались над мировоззренческими вопросами, переживали их, но не совсем в рамках православного мирочувствия с его мотивами самоумаления, самоотрицания личности и бытия перед Творцом. Секуляризованному в значительной степени сознанию художественно-философское осмысление действительности представлялось более приемлемым.

Обобщением вышеизложенных смысловых линий являются следующие выводы. Спецификой взаимоотношений власти и образованного общества в России 1830-1850-х годов стал их параллельный и взаимовлияющий характер. Важным формальным признаком, необходимым для государственной службы и личностного позиционирования стало образование.

Начиная с петровских реформ государство готовило специалистов для различных областей государственной деятельности. Нельзя не отметить определённого ментального единства российской интеллигенции и властвующего элитарного слоя. Просвещённая бюрократия и интеллектуалы интеллигентской рефлексии, используя литературный фарватер самовыражения, выдвигали идеи обновления, разрабатывали идеологию модернизации, становясь главным субъектом в процессах переустройства общества.

Представители образованного общества в Николаевскую эпоху неоднократно поднимали вопрос о формировании «новой» политической элиты. В этот период существовала определённая конкуренция в борьбе за место посредника между правительством и образованным русским миром. Имеется в виду осознанная попытка некоторых писателей и журналистов выступить в качестве проводников правительственного мнения в условиях формирования мнения общества и роста значения печатного слова. Ещё в мае 1826 года Ф.В. Булгариным на имя императора была подана записка «О цензуре в России и книгопечатании вообще». В ней автор разделил всех образованных людей на четыре категории и выделил учёных и литераторов в качестве отдельной группы, представив их в качестве трансляторов правительственного мнения: «Будучи приверженными власти, через журналистику и литературу они будут воздействовать на умы читателей, давая им нравственное и политическое воспитание в координатах, угодных правительству» [2, с. 46-47]. Известно, что и А.С. Пушкин в 1831 году составил «Проект издания журнала и газеты», в котором обозначил желание быть включённым в диалог с правительством: «С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, около которого соединил бы писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных. Правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее в некоторых случаях общее мнение имеет нужду быть управляемо» [19, с. 866]. Предложение о сотрудничестве с властью, исходившее от А.С. Пушкина, имело существенное отличие от позиции Ф.В. Булгарина. Роль посредника между властью и обществом не должна была иметь односторонний вид, что предполагало не только пропаганду государственной доктрины «Православие, Самодержавие, Народность», но и активное участие сотрудников предполагаемого журнала в её реализации. Позиция послушного исполнителя, декларируемая Ф.В. Булгариным, совершенно не импонировала установке А.С. Пушкина на творческую самостоятельность в реализации права обсуждать внутриполитические вопросы и использовать в этих целях журнал. Данный сюжет уместно рассматривать в рамках сопричастности власти внутренне сплочённой группы «литературных аристократов» и следования определённой системе нравственных ценностей, которая является важным фактором элитной консолидации.

Вместе с тем дворянскую интеллигенцию нельзя рассматривать в качестве составной части правящей бюрократической элиты. Бюрократия действует лишь в сфере официального администрирования. Представители бюрократической страты в иных сферах деятельности действуют уже не как представители властной элиты. Литературой увлекались в том числе видные сановники, занимавшие ключевые посты на государственной службе. Например, Д.Н. Блудов (с 1832 по 1838 год – министр внутренних дел, а с 1839 года – Главноуправляющий II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, председатель департамента законов). Поэтическим даром обладали министр юстиции, член Государственного Совета И.И. Дмитриев и министр просвещения С.С. Уваров. Но для них литературное сочинительство было всего лишь досугом, зато к слову гражданскому («недисциплинированному») бюрократия относилась с предубеждением и опаской. Дворянскую интеллигенцию от управленческой бюрократии отличало стремление первой стороны сохранить при добросовестном исполнении своих служебных обязанностей известную степень «самостийности» по отношению к государственной структуре. «Комплекс» интеллигента мог проявляться двояко: либо в нежелании «врасти» в систему, быть структурной единицей в административной машине и выполнять утилитарные функции, либо в крайностях интроспекции, когда государственной службе противопоставлялась приватная жизнь внутренне независимых людей – подобные глубинные психологические состояния были формой протеста и неприятия нивелирующей личность официально-казённой действительности. Литература стала особым модусом (способом существования) для людей особого психо-

логического склада и местом идейных исканий отдельных интеллектуалов или целых сообществ образованных людей.

Существует принципиальное различие в структуре социальных ролей властной элиты и интеллигенции. Для интеллигента важным является ощущение автономности как необходимого следствия специфики его деятельности, а именно – создания культурных инноваций. Впрочем, интеллигент – член какой-либо социальной или профессиональной группы. Необходимость следовать требованиям этой группы ограничивает автономность. Для представителей элитарных слоёв значительную роль играет следование корпоративным правилам и ценностям. Важную роль играет должностная позиция, в то время как для многих интеллигентов место в официальной иерархии не столь существенно. Дворянские интеллигенты как авангард образованного общества заняли особое место в отдалении от государственной структуры – в литературе. Для лиц, вовлечённых в литературную сферу, успех являлся важной частью мировоззрения, неотъемлемой составляющей личного поведенческого императива. Творческое начало как новая форма социального общения, уже не на основе сословно-иерархических отношений, позволяло устанавливать социальные контакты различной протяжённости: устное слово – коммуникативные связи ближней среды, печатное – отдалённые в пространстве и времени. Так в среде дворянства появляется «общественная корпорация», очерченная размытой прерывистой линией художественно-литературного творчества, где мера таланта и уровень мастерства являлись главными идентификаторами в репрезентации «свои – чужие». Интеллигенция в лице активных членов этой группы заняла своё место в литературной среде, в границах которой осуществлялось социально-культурное позиционирование межсословной генерации автономных интеллектуалов, имевших особый комплекс служения идеалу.

1. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. / В.М. Бокова. М.: Реалии-Пресс, 2003. 655 с.

2. Булгарин Ф.В. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Ф.В. Булгарин.: Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 783 с.

3. Виртшафтер Элис Кимерлинг. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Э.К. Виртшафтер: Перевод с англ. Т.П. Вечериной. Под ред. А.Б. Каменского. М.: Логос, 2002. 271 с.

4. Виттекер Цинтия. Граф С.С. Уваров и его время / Цинтия Виттекер: Перевод с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.

5. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. 2000. С. 104–116.

6. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / П.А. Вяземский. М.: Искусство, 1984. 463 с.

7. Гиллельсон М.И. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 138–143.

8. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: заметки о литературно-критических иллюзиях / Л.Д. Гудков. Харьков, ЭПИцентр; 1995. 189 с.

9. Кантор В.К. «Есть европейская держава...» – Россия: трудный путь к цивилизации / В.К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2001. 704 с.

10. Киреевский И.В. Критика и эстетика / И.В. Киреевский. М.: Искусство, 1979. 439 с.

11. Кормер В.Ф. Крот истории, или Революция в Республике S = F. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. О карнавализации как генезисе двойного сознания / В.Ф. Кормер. М.: Традиция, 1997. 288 с.

12. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. / А.В. Никитенко. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. 543 с.

13. Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. / Редкол.: Л.В. Кошман и др. М.: Издательство Московского государственного университета, 2001. Т. 3. 639 с.

14. Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек / Н.М. Пирумова. М.: Мысль, 1989. 254 с.

15. Рейтблат А.И. Как Пушкин «вышел в гении»: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.

16. Скатов Н.Н. Начало всех начал: об особенностях русской литературы начала прошлого века // Вопросы литературы. 1986. № 6. С. 113–130.

17. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли / Г.В. Флоровский. М.: Аграф, 1998. 430 с.

18. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1988. 599 с.

19. Энгельгардт Н.А. Очерки николаевской цензуры. Очерк первый // Исторический вестник. Т. LXXXV. Сентябрь. 1901. С. 850–873.

20. Яковенко И.Г. Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 47–56.

1. Bokova V.M. Jepoha tajnyh obshhestv: Russkie obshhestvennye ob#edinenija pervoj treti XIX v. / V.M. Bokova. M.: Realii-Press, 2003. 655 s. (Russian).

2. Bulgarin F.V. Vidok Figljarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie / F.V. Bulgarin.: Publ., sost., predisl. i komment. A.I.

Rejtblata. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 783 s. (Russian).

3. Virtshafter Jelis Kimerling. Social'nye struktury: raznochincy v Rossijskoj imperii / Je.K. Virtshafter: Perevod s angl. T.P. Vecherinoj. Pod red. A.B. Kamenskogo. M.: Logos, 2002. 271 s. (Russian).

4. Vitteker Cintija. Graf S.S. Uvarov i ego vremja / Cintija Vitteker: Perevod s angl. N.L. Luzheckoj. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. 350 s. (Russian).

5. Volodin A.G. Grazhdanskoe obshhestvo i modernizacija v Rossii. Istoki i sovremennaja problematika // Polis. 2000. S. 104–116 (Russian).

6. Vjazemskij P.A. Jestetika i literaturnaja kritika / P.A. Vjazemskij. M.: Iskusstvo, 1984. 463 s. (Russian).

7. Gillel'son M.I. Neizvestnye publicisticheskie vystuplenija P.A. Vjazemskogo i I.V. Kireevskogo // Russkaja literatura. 1966. № 4. S. 138–143 (Russian).

8. Gudkov L.D., Dubin B.V. Intelligencija: zametki o literaturno-kriticheskih illjuzijah / L.D. Gudkov. Har'kov, JePIcentr; 1995. 189 s. (Russian).

9. Kantor V.K. «Est' evropejskaja derzhava…» – Rossija: trudnyj put' k civilizacii / V.K. Kantor. M.: ROSSPJeN, 2001. 704 s. (Russian).

10. Kireevskij I.V. Kritika i jestetika / I.V. Kireevskij. M.: Iskusstvo, 1979. 439 s. (Russian).

11. Kormer V.F. Krot istorii, ili Revoljucija v Respublike S = F. Dvojnoe soznanie intelligencii i psevdokul'tura. O karnavalizacii kak genezise dvojnogo soznanija / V.F. Kormer. M.: Tradicija, 1997. 288 s. (Russian).

12. Nikitenko A.V. Dnevnik: v 3 t. / A.V. Nikitenko. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1955. T. 1. 543 s. (Russian).

13. Ocherki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. / Redkol.: L.V. Koshman i dr. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. T. 3. 639 s. (Russian).

14. Pirumova N.M. Aleksandr Gercen – revoljucioner, myslitel', chelovek / N.M. Pirumova. M.: Mysl', 1989. 254 s. (Russian).

15. Rejtblat A.I. Kak Pushkin «vyshel v genii»: Istoriko-sociologicheskie ocherki o knizhnoj kul'ture Pushkinskoj jepohi / A.I. Rejtblat. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 336 s. (Russian).

16. Skatov N.N. Nachalo vseh nachal: ob osobennostjah russkoj literatury nachala proshlogo veka // Voprosy literatury. 1986. № 6. S. 113–130 (Russian).

17. Florovskij G.V. Iz proshlogo russkoj mysli / G.V. Florovskij. M.: Agraf, 1998. 430 s. (Russian).

18. Florovskij G.V. Puti russkogo bogoslovija / G.V. Florovskij. Parizh: IMKA-PRESS, 1988. 599 s. (Russian).

19. Jengel'gardt N.A. Ocherki nikolaevskoj cenzury. Ocherk pervyj // Istoricheskij vestnik. T. LXXXV. Sentjabr'. 1901. S. 850–873 (Russian).

20. Jakovenko I.G. Pravoslavie i istoricheskie sud'by Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 2. S. 47–56 (Russian).

UDC 93/94

# POWER AND WELL-EDUCATED SOCIETY IN RUSSIA IN 1830–1850: A LITERARY CHANNEL OF RELATIONSHIPS

***Arzhanykh Tatyana Fedorovna,***
The Russian State University of Trade and Economics, Ivanovo branch, associate professor of the Chair of humanities and law disciplines, candidate of historical sciences,
Ivanovo, Russia.
E-mail: maler37@mail.ru

*Annotation*
The article analyses the peculiarities of the social life of Russia in 1830-1850 from the perspective of social and cultural positioning of the national intelligentsia. Self-identification of reflecting intellectuals in the system groups of literary-philosophical orientation is considered in the context of opposition of personalities to public-administrative formalism and the formation of the special moral complex of serving the ideal in the intellectual environment .

*Key concepts:*
the intelligentsia, literature, society, power, Nikolai I.